

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.224 (=512.31)

DOI 10.17223/18137083/85/1

Художественный строй бурятского героического эпоса (на примере сказания «Осодор Мэргэн». Запись 1941 года)

Евгения Николаевна Кузьмина

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7389-7811>

Аннотация

Рассматривается бурятское героическое сказание (*улигер*) «Осодор Мэргэн», записанное в 1941 г., с точки зрения сохранности в нем традиционного сюжетно-композиционного строения и формульно-поэтической организации. Анализ показал, что это произведение многоплановое о двух поколениях богатырей – отца и трех его сыновей, но сюжет развивается линейно, т. е. повествования о подвигах главных героев следуют друг за другом. В композицию включены так называемые песенные вставки *сэг даралга* («заполнение пауз») и *угталгын дуун* («призывные» или «встречные» песни), которые функционально играют роль средств, дающих возможность сказителю сделать передышку и активизировать участие слушателей в сказывании. Поэтическая ткань произведения изобилует устоявшимися типическими местами, которые аналогичны стереотипам всего тюрко-монгольского эпоса.

Ключевые слова

эпическая традиция, структура сказания, сюжет, типические места

Для цитирования

Кузьмина Е. Н. Художественный строй бурятского героического эпоса (на примере сказания «Осодор Мэргэн». Запись 1941 года) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 9–21. DOI 10.17223/18137083/85/1

© Кузьмина Е. Н., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 9–21
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 9–21

Artistic structure of the Buryat heroic epic (a case study of the heroic tale “Osodor Mergen” recorded in 1941)

Evgeniya N. Kuzmina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7389-7811>

Abstract

The heroic tale “Osodor Mergen” was recorded by Sergey Petrovich Baldaev, the famous folklore and ethnographic collector, in 1941, from Nikolai Gunkhanovich Gunkhanov (1873–1945), a Buryat storyteller. This tale was actively performed by the storyteller and retained a complete narrative and poetic structure corresponding to the living epic tradition. Unfortunately, the tale has reached us only in a textual form due to the lack of sound recording devices at the time of recording. Unlike many tales centered on one hero, “Osodor Mergen” tells about two generations of heroes: a father and his three sons. The plot develops linearly, with the narratives of the main characters’ exploits coming one after another, following the traditional plot structure of the Buryat heroic tales. The tale’s composition includes several songs to give the narrator a break (*sag daralga*) and intensify the listeners’ participation in the tale (*ugtalgin duun*). The episodes borrowed from fairy tales make the heroic tale entertaining. For example, the first storyline about Osodor Mergen has a contamination from an international fairy tale story about a “handless” wife and her son locked in an iron barrel and thrown into the sea. The waves nail the barrel to an island where the mother and the son are to live. Also fascinating is the narrative of the difficult tasks given to a particular hero that is told as a fairy tale.

Keywords

heroic epos of the Buryats, plot, fabulous style, stereotypes, preservation of tradition

For citation

Kuzmina E. N. Artistic structure of the Buryat heroic epic (a case study of the heroic tale “Osodor Mergen” recorded in 1941). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 9–21. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/1

Введение

Сказание «Осодор Мэргэн» было записано в 1941 г. «от руки», затем перепечатано на пишущей машинке известным собирателем и исследователем бурятского фольклора Сергеем Петровичем Балдаевым (1889–1979)¹. Как пишет Ц. П. Ванчикова, «архив С. П. Балдаева (№ 36) – самый большой в коллекции (Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. – *Е. К.*), он состоит из 1 443 ед. хранения, документы охватывают период с 1835 по 1978 г. <...> По содержанию их можно разделить на три крупные группы: 1) материалы, связанные с личной, служебной и общественной деятельностью С. П. Балдаева (материалы к биографии, письма, переписка); 2) творческие материалы (рукописи статей, книг, фольклорные и этнографические материалы, собранные и записан-

---

¹ На 2-м экз. есть титул, на котором написано: Осодор Мэргэн (героическая эпопея эхирит-булагатов). Записано С. П. Балдаевым от Н. Гулханова в 1941 г. «Правильное написание фамилии сказителя Гунханов», см. [Шерхунаев, 1998, с. 38].

ные им самим) и 3) материалы, отложившиеся в архиве на протяжении всей его долгой жизни (выписки из архивов, оригиналы архивных документов по истории, этнографии и культуре бурят, монголов, материалы по краеведению, карты и мн. др.) [Ванчикова, 2020, с. 105–106]. Деятельность этого ученого и неустанного собирателя фольклора родного народа анализировалась в статьях его коллег².

Сказание (нац. термин *улигер*) «Осодор Мэргэн» исполнил для записи сказитель из Кудинской долины Николай Гунханович Гунханов (1873–1945). Р. А. Шерхунаев, написавший ряд книг о бурятских сказителях, особо остановился на биографии Н. Г. Гунханова. По сведениям Р. А. Шерхунаева, родился будущий сказитель в улусе Капсал Эхирит-Булагатского аймака в пятидесяти двух километрах к северо-востоку от Иркутска. Его сородичем был выдающийся сказитель Ёлбон Шалбыков, от которого во время своей поездки в Кудинскую долину в 1903–1906 гг. Цыбен Жамцарано записал улигер «Аламжи Мэргэн», опубликованный в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1991 г.).

Научная экспедиция Ц. Жамцарано того периода была чрезвычайно плодотворной, он открыл таких выдающихся сказителей, как Маншут Имигеев (улус Кукунут), Ботошки Бурлаев (улус Хурай), Ёлбон Шалбыков (улус Капсал). Позднее фольклорные записи продолжил С. П. Балдаев, записавший большое количество материалов от Бубая Бахрушкина и Лазаря Бардаханова (улус Бозой), Михаила Бушлакова (улус Тангахай), Саахали Ханхалаева (улус Гушит) и др. В этом ряду сказителей выделялся Н. Гунханов, который помнил улигеры «Гэсэр», «Аламжи мэргэн», «Осодор мэргэн», «Алтан Шагай мэргэн», «Хараасгай мэргэн», «Мунгэн Шагай мэргэн», «Нохор богдо хан», «Алтан Сэгсэ мэргэн». <... > Каждый из них имеет размер 3–5–10–20 тысяч стихов и более. Его репертуар включал в себя множество песен, сказок, благопожеланий, загадок, пословиц и поговорок». Таким образом, выросший в атмосфере сказительства, Н. Гунханов на протяжении всей своей жизни, несмотря на жизненные трудности, исполнял песни, сказки, героический эпос. Будучи прямым и честным, отзывчивым человеком, инициативным тружеником, от природы мудрым человеком он пользовался глубоким уважением среди своих односельчан [Шерхунаев, 1998, с. 13, 16, 19, 26].

Сюжетно-композиционное строение сказания «Осодор Мэргэн»

В силу объективных обстоятельств в бурятской фольклористике (неразвитость фольклористической науки, недостаточность кадров, отсутствие звукозаписывающих устройств и т. д.) фольклорные тексты записывались единожды, не было повторных одновременных записей одних и тех же текстов. Но многочисленные другие записи героических сказаний, относящихся к одной эпической традиции, создают целостную картину бытования эпоса у западных бурят. Поэтому на основании анализа художественного строя конкретного произведения можно судить в целом о поэтических закономерностях бурятского эпоса.

---

² Тулохонов М. И. С. П. Балдаев – собиратель и исследователь бурятского фольклора // Творческое наследие ученых-литературоведов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 5–11; Туденов Г. О., Уланов А. И. С. П. Балдаев – фольклорист и этнограф: к 70-летию со дня рождения. Улан-Удэ: БКНИИ, 1959. 27 с.

Сказание «Осодор Мэргэн» («Осоодор Мэргэн») также представлено в одной записи и является образцом традиционного героического эпоса бурят о двух поколениях богатырей – отца и трёх его сыновей, сюжет которого развивается в установившемся русле, линейно, последовательно, т. е. повествования о подвигах главных героев следуют друг за другом.

Произведение, как это принято в эпической традиции, названо по имени богатыря Осодор Мэргэна, но по сути акцент сделан в *улигере* на «богатырской биографии» его сыновей, и более всего – его младшего сына Алтан Шагая. Из-за этой особенности произведение предстает композиционно сложным, включает в себя несколько сюжетных линий или блоков. Так, явно прослеживаются пять сюжетов с контаминациями, органично вкрапленными в общую тему. Первая сюжетная линия повествует о самом богатыре Осодор Мэргэне (с 22 по 1035 стих. стк.), сюда вставлена контаминация из сказочного сюжета о жене-«безручке» и ее сыне, закрытых Осодор Мэргэном в железной бочке и брошенных в море. Волны прибывают бочку к острову, и далее идет сказ о жизни матери и сына на этом острове. Именно в этой части Алтан Шагай, младший сын Осодор Мэргэна, впервые предстает как богатырь, совершающий ряд подвигов. Эта контаминация выглядит органичным сюжетным вкраплением, которое можно представить как вторую самостоятельную сюжетную линию (с 1036 по 1063 стих. стк.). Третий сюжет – это повествование о богатырской биографии Хухэрдэй Мэргэна, старшего сына Осодор Мэргэна, родившегося с золотой грудью и железным телом (стк. 827–829). Далее эта линия о нем прерывается, и повествование о старшем богатыре возобновляется со строки 2481 по 3105, что усложняет фольклорный сюжет. Четвертый сюжетный план посвящен подвигам Мунгэн Шагая, среднего сына Осодор Мэргэна, родившегося с серебряной грудью и железным задом (стк. 896–898). Здесь наблюдается та же прерывистая сюжетная схема, что и с его старшим братом. Повествование о среднем богатыре следует со строки 3118 по 3731. Пятая сюжетная линия – тоже прерывистое продолжение повествования об Алтан Шагае, родившемся с золотой грудью и округлым задом (стк. 962–973, 3767–4776), т. е. изложение его «биографии» начинается со времени его рождения и спасения матерью сына путем окрашивания его тела. Вероятно, в этом можно усмотреть какой-то древний архетип обрядового действия, совершаемого с новорожденными, но с сюжетной стороны поступок героини объясним как защита ребенка от губительницы рождаемых ею детей, хотя само сказание не дает каких-либо подробных пояснений.

В конце сюжета об Алтан Шагае возникает контаминированная линия с известным эпизодом из главного памятника устной поэзии бурят «Абай Гэсэр», в котором повествуется о том, как Гэсэр, потерпев поражение в битве с Лобсогой мангадхаем, обращен им с помощью колдовства в неутомимого осла [Абай Гэсэр, 1960, с. 217–218]. Если Гэсэра освобождает из плена его жена Алма Мэргэн, то в нашем сюжете с врагом Гэсэра бьется Алтан Шагай со своими двумя братьями и помощниками, спущенные с неба божествами-покровителями Гэсэра. Таким образом, эпизод из «Абай Гэсэра» адаптирован к сюжету улигера «Осодор Мэргэн». Контаминация с этим ярким эпизодом из «Гэсэра» свидетельствует о том, что сказитель Н. Гунханов хорошо знал улигер «Абай Гэсэр». Именно в унгинской версии в изложении Пёохона Петрова, талантливого знатока героического эпоса, нам известен эпизод о Гэсэре, превращенном в осла. Возможно, были какие-то контакты между сказителями или эта версия была широко распространена.

Это объединение известных, но разных сюжетов несет в себе печать некоторой искусственности, в возникновении такой контаминации могли сыграть роль несколько факторов. Во-первых, сказание логически уже завершалось последней сюжетной линией о богатырских подвигах Алтан Шагая. Сцепление этой линии с эпизодом из «Гэсэра» может свидетельствовать о сказительском вдохновении, и он продолжил далее эпосопение, включив известный слушателям эпизод; во-вторых, хорошо зная художественные вкусы своих земляков, улигершин мог таким образом напомнить о любимом ими произведении о Гэсэре. В-третьих, сказитель, несомненно, знал пантеон божеств и их функции. В контаминированном эпизоде на помощь земным богатырям отправляются божества, помогающие в ратных делах. Хотя они идут здесь в перечислительном порядке, всё же очевидно, что совет собравшихся небесных божеств решает спустить на землю именно тех небесных посланников, которые окажут помощь богатырям в битве с грозным врагом.

Учитывая предыдущее повествование о герое во втором сюжете и этот пятый сюжет, сказ об Алтан Шагае занимает 1050 стих. стк., в то время как главному герою сказания Осодор Мэргэну посвящено 1014 стих. стк. Несмотря на это, в повествовании о богатырях-братьях фигура Осодор Мэргэна постоянно присутствует как бы фоном в событиях сказания, тем самым поддерживается единая традиционная тема богатырского сватовства.

Синтагматическая связь сюжетов, наблюдаемая в улигере «Осодор Мэргэн», выдержана согласно каноническому сюжетостроению бурятского эпоса. Линейное развертывание событий не допускает одновременного параллельного развития других событий: если сказание повествует о подвигах одного богатыря, то только по завершении всех его деяний сказитель начнет повествование о следующем герое. Такое строение происходит в силу устной природы сказывания. Сказитель не может перескакивать с рассказа о жизни одного героя на сказ о другом, как это наблюдается, например, в кино или в романе. Хотя интересно заметить, что в сюжетной линии о матери с сыном, оказавшихся на острове, есть попытка формирования многоплановости. В рассказ о них как бы вклинивается вставное повествование о тяготах жизни Осодор Мэргэна, живущего с коварной Ашата, рыжей бабой, которая сумела отлучить его от всех друзей и гостей (стк. 1064–1092). Поведав об этом, сказитель далее продолжает повествование о матери с сыном, уже от него не отклоняясь.

Повествование о матери, закрытой вместе с сыном в бочке, их долгое плавание по морю, быстрое взросление сына за время плавания, обживание острова, на который их выбросило волной, является распространенным мировым сюжетным типом сказки, который в Сравнительном указателе сюжетов (СУС) обозначен под номером 707 Чудесные дети. Широко известна на этот сюжет сказка А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

В аналитическом каталоге «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» Ю. Е. Берёзкин вычленил основной мотив K73b1 «Мать и ребёнок в бочке», который имеет широкое распространение у португальцев, итальянцев (Венето), ладин, французов (в том числе Верхняя Бретань), венгров, болгар [беременную], греков, русских (Терский берег, Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Псковская), белорусов (и русские Смоленской губ.), чехов [в лодке], поляков, терских казаков, западных саамов, карелов, финнов, вепсов, эстонцев, сету, Лутси, латышей, литовцев, мордвы, мари,

тофаларов, северных (?) хантов. Этот мотив тесно сплетается с другим, который Ю. Е. Берёзкин обозначил как K73a4 «Ребёнка подменяют щенком»³. Но здесь недоброжелательницами выступают сестры роженицы или ее свекровь, или повитуха, мельничиха, королева. В нашем сюжете каждый раз родившихся старших сыновей выбрасывает *мангадхайка*, а Осодор Мэргэну сообщает, что его жена родила щенка.

Мотив K73b1 «Мать и ребёнок в бочке» в формулировке Ю. Е. Берёзкиной точнее передает наш сюжет, чем сюжет 707 Чудесные дети (СУС), Три золотых сына (АТ 1961), Трое золотых детей (АТУ). Этот сказочный сюжет привлек внимание исследовательницы Т. Ю. Хэмлет, которая в трех статьях провела его сравнительный анализ в международных, некоторых региональных и национальных указателях сказочных сюжетов [Хэмлет, 2013в; 2013б; 2014]. Она ссылается на труд С. Томпсона «Фольклорная сказка», где он «подчеркнул, что данный сюжет является одним из восьми – десяти самых распространенных сюжетов в мире <...> Поэтому сказочный сюжет Чудесные дети часто называют универсальным» [Хэмлет, 2013а, с. 199]. В популярности и широкой распространенности этого сюжета исследовательница, вслед за Б. Н. Путиловым, считает проявление фольклорной типологии, объясняемой «общими закономерностями исторического развития человеческого общества» [Там же, с. 200].

Войдя в бурятский фольклор в качестве «кочующего мотива», он обретает свою сюжеттику, специфику и звучание. Известные по сказке А. С. Пушкина события и диковины в «Осодор Мэргэне» имеют свои особенности, свойственные бурятскому эпосу. Узнаваема в улигере только основа международного мотива: героиня с выбитым глазом, со сломанной рукой заключается в бочку с сыном и выбрасывается в море. Бочка выкидывается волной на берег, где герои находят пристанище. Появляются типичные для эпоса образы: хрустально-белая кукушка с лошадиную голову, которая обладает магической способностью обогащать бедных, воскрешать мертвых, слепых делать зрячими, безрогих одаривать рогами (стк. 1265–1272). Образ кукушки свойственен не только бурятскому героическому эпосу, но встречается и в тюркском эпосе народов Южной Сибири (алтайцев, хакасов, шорцев). Кроме кукушки, Алтан Шагай укрощает и приводит домой «Бешеную рыжую собаку» – *Гуниг шара нохой* (стк. 1523–1530), а в качестве домашнего скота добывает девять небесных мамонтов (стк. 1523–1530, 1613–1618). Образы мамонтов встретились нам только в этом сказании.

По сути, каждая сюжетная линия о сыновьях Осодор Мэргэна могла бы составить отдельное сказание о богатырских подвигах и героическом сватовстве, тем более композиционно каждая содержит все ключевые элементы эпического повествования: завязку, развитие действия, кульминацию и развязку.

Функционально завязка в героическом эпосе играет значительную роль, она побуждает к действию, в ней содержится ценностный мотив для героя, обретающий для каждого конкретного сказания свой смысл и побудительную причину для развития событий в эпическом мире. В «Указателе типических мест...» [Кузьмина, 2005, с. 8, П.А.4] завязка обозначена нами как мотивировка выезда богатыря (богатырки) из дома, и приведен ряд поводов для этого. В улигере «Осодор Мэргэн» в каждой сюжетной линии завязкой является желание найти свою суженую,

---

³ См.: Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 18.01.2023).

о которой герои (Осодор Мэргэн, все его три сына-богатыря) вычитывают в Книге судеб.

Еще одной композиционной особенностью улигера «Осодор Мэргэн» является наличие нескольких песенных вставок *сэг даралга* («заполнение пауз») и *угталгын дуун* («призывные» или «встречные» песни). Не каждое улигерное повествование имеет такие вставки. Это свойственно большим сказаниям, например, песенные напевы встречаются в «Гэсэре» (10591 стих. стк.). Начиная сказывание, сказитель вместе со слушателями пел *«угталгын дуун»*. Д. С. Дугаров пишет: «“Призывные”, или “Встречные”, песни, как и “Прощальные,” у разных улигершинов и в разных улигерах бывают разными как по содержанию, так и по форме и напеву» [1960, с. 515].

В улигере «Осодор Мэргэн» есть «Призывная» песня (стк. 1–21), «Прощальная» песня (стк. 5761–5786, т. е. 26 строк) и пять песен для «заполнения пауз», все разного объема. Песни «*Сэг даралга*» несли функциональную нагрузку, заполняя паузы, связанные с передышкой сказителя, активизировали внимание и включенность слушателей в процесс сказывания. Кроме того, эти песни маркировали собой переход между сюжетными линиями.

С. П. Балдаев в процессе подготовки своей записи к сдаче в архив (большая часть текстов перепечатана им на пишущей машинке), по-видимому, заметил, что просматриваются явные сюжетные линии, и начал их маркировку римскими цифрами, как бы выделяя разделы в тексте. Но выделение получилось непоследовательным. Так, после второй песни «*сэг даралга*» (стк. 2244–2253, т. е. 10 строк) проставлена римская цифра III, хотя в предыдущем изложении не было разделений. В этом разделе III начинается повествование о братьях, прибывших к своему отцу Осодор Мэргэну. После сказа об этом следует третья песня «*сэг даралга*» (стк. 2472–2480, т. е. 9 строк), и без нумерации идет сюжетная линия о старшем сыне Хухэрдэй Мэргэне, которая также оканчивается песней «*сэг даралга*» в 13 строк (стк. 3105–3117). Далее следует сюжет о среднем сыне Мунгэн Шагае, который обозначен цифрой IV, завершающийся песней «*сэг даралга*» в 35 строк (3732–3766). Далее повествования о среднем брате Мунгэн Шагае и младшем Алтан Шагае идут под номерами IV и V соответственно. Таким образом, *улигер* «Осодор Мэргэн» предстает как художественно развитый традиционный эпос с цельной композиционной системой.

Формульно-поэтическая организация сказания «Осодор Мэргэн»

За долгое время бытования и развития эпоса сложился определенный стилиевой комплекс, куда вошли отшлифованные поэтические выражения, обороты, устойчивые описания, которые стали стереотипами, «общими местами», активно используемыми всеми сказителями, хорошо знающими язык героических сказаний и закономерности их традиционного сюжетостроения. В момент исполнения сказителю было важно иметь готовые средства, чтобы, не запинаясь, продолжать сказывание. Часто бурятские сказания исполнялись несколько вечеров подряд, от захода солнца и до рассвета. Альберт Лорд писал, что «устное произведение не создается для исполнения, оно создается *в процессе* исполнения» [Лорд, 2018, с. 71]. М. Пэрри и А. Лорд объясняли: «...Каким образом устный поэт справляется с требованиями, продиктованными быстрым сложением, не прибегая к помощи письма или заучивания устойчивого текста? На помощь приходит тради-

ция» [Лорд, 2018, с. 84], т. е. «...на протяжении многих поколений были выработаны различные обороты, которые в нескольких ритмических схемах выражают понятия, наиболее часто встречающиеся в этой традиции» [Там же].

Героический эпос, как показывает «Структура указателя типических мест героического эпоса народов Сибири...» [Кузьмина, 2005, с. 8–10], имеет устойчивый алгоритм сюжетостроения. В процессе формирования эпоса сложилась определенная последовательность эпизодов и описаний, соответствующих заданной теме и задаче. Логическое сцепление связанных описаний и эпизодов скреплено стереотипами, построенными на формулах и устойчивых выражениях, которые, в свою очередь, имеют ключевые слова, маркирующие эти «общие места».

Значение этих стереотипов («общих мест», типических мест) трудно переоценить. В памяти сказителей складывалась определенная схема, по которой должно было следовать изложение событий того или иного сказания. В самом общем виде (схематично) типичную фабулу героического сказания можно представить следующим образом: время, когда происходили эпические события → появление богатыря → его выезд из дома → богатырская езда → встреча в пути с врагами / побратимами → поочередная, последовательная битва богатыря (от более слабого противника к сильнейшему) → победа богатыря → пир (свадебный / по случаю победы). Во время исполнения сказитель наполняет этот каркас готовым поэтическим материалом в виде типических описаний, превращая его в художественное увлекательное повествование о богатырских деяниях. Чем талантливее сказитель, тем более он склонен к импровизации, тем красочней выглядит языковая ткань произведения, но, естественно, степень импровизации ограничена традицией.

Такое же фабульное строение прослеживается и в сказании «Осодор Мэргэн». Рассмотрим на некоторых типичных примерах поэтическую организацию этого *улигера*. Время эпических событий, называемое временем первотворения, эпос относит к самому счастливому, благополучному и процветающему периоду жизни эпических персонажей. Это время формирования флоры и фауны на земле, время рождения главного богатыря и строительства им великолепнейшего дворца из золота, серебра и стекла. В таком же традиционном ключе предстает описание этого времени и в «Осодор Мэргэне»:

*Уряни уринда
Уран ехэ сагта,
Эртэни энхэдэ,
Энхэ сагай түрүүндэ
Түрүүтэни түрүүндэ
Тэгшэ сагай мэндэдэ,
Захын модоной
Загдуулай байхада,
Загал буга хоёрой
Инзаган байхада,
Ухаа дубуунай
Ногооложо байхада,
Хуһан модоной
Намаалажса байхада,
Ангар ехэ далайн
Горхон байхада,*

В давнюю старину,
В пору великого времени,
Прежнего счастья,
В счастливой древности,
В далёкой древности,
В прошлое спокойное время,
Когда дерево на краю [земли]
Ещё ростком было,
Тёмный изюбр
Ещё детёншьем был,
Бугристый холм
Ещё травой покрывался,
Берёза-дерево
Ещё листвой распускалась,
Ангара – море огромное
Ещё ручейком была,

*Абарга ехэ загаһанай
Жараахай байхада...*
Осоодор Мэргэн, стк. 22–39

*Абарга – рыба огромная
Ещё мальком была...*
Осоодор Мэргэн, стк. 22–39

Для сказителей важно подчеркнуть давность событий. По характеру такого описания можно увидеть, насколько пространным, красочным и детальным будет в целом повествование. В этом описании, как и в других произведениях этой традиции, обычно следует перечислительный ряд, в котором упоминаются животные, растительность и географические объекты, характерные для природы Приангарья. И это не удивительно, поскольку данный образец относится к западно-бурятской эпической традиции. По объему картина первотворения предстает разной. В сказании «Аламжи Мэргэн» она составляет 309 поэтических строк, в «Осоодор Мэргэне» – 155 строк.

Следующий блок – Богатырская езда II.A.7 [Кузьмина, 2005, с. 8] состоит из описаний времени, пространства и препятствий, которые приходится преодолевать богатырю:

*Ерэн ели дайдые
Юһэн үдэрөөр болзоон ябаба,
Наян ели газари
Найман үдэрөөр болзоон ябаба.
Харабсар дэли
Хабталзан ошобо,
Бүргэд дэли
Бөрөлзөжө ошобо.*
Осоодор Мэргэн, стк. 3139–3146

Расстояние в девяносто лет,
За девять дней проезжал,
Расстояние в восемьдесят лет,
За восемь дней проезжал.
Как орел,
Раскинувшись, ехал,
Как беркут,
Распластавшись, ехал.
Осоодор Мэргэн, стк. 3139–3146

Гиперболизм – основной поэтический прием эпоса, в описании используется в полной мере. Кроме этого, прослеживается двустрочная начальная анафора в первых слогах слов: *наян – найман; харабсар – хабталзан; бүргэд – бөрөлзөжө*. Красоту в создании картины богатырской скачки создает применение числового соответствия, которое формирует внутреннюю поэтическую гармонию и еще более усиливает гиперболическое изображение: девяносто – девять; восемьдесят – восемь. «Расстояние в девяносто лет, / За девять дней проезжал, / Расстояние в восемьдесят лет, / За восемь дней проезжал» – *Ерэн ели дайдые / Юһэн үдэрөөр болзоон ябаба, / Наян ели газари / Найман үдэрөөр болзоон ябаба*.

За длительную богатырскую езду не раз происходит смена времен года, которая описывается в традиционно принятом стиле, как и во всех других сказаниях:

*Алаг саазагай дуугаар
Убэл гэжэ ерүүлээ,
Алтагай гургалдайн дуугаар
Нажар гэжэ ерүүлээ.*
Осоодор Мэргэн, стк. 504–507

По стрёкоту пёстрой сороки
Узнавал, что [наступила] зима,
По пению золотого соловья
Узнавал, что [наступило] лето.
Осоодор Мэргэн, стк. 504–507

Упоминаются в подобных описаниях определенные виды птиц: сорока, жаворонок, соловей, кукушка, ворон, т. е. те виды, которые обитают в сибирской природе. В. М. Гацак рассмотрел этот вид описаний в архаическом эпосе и пришел к выводу о том, что этот особый тоpos длительности обнаруживает «поразитель-

ное сходство в ряде сибирских эпических традиций», и вслед за М. Бахтиным, отметившим «слияние пространственных и временных примет», раскрыл в них «свойство *хронотопа* («времяпространства») [Гацак, 1989, с. 15]. Также он заметил, что в якутском эпосе «постоянно “означены” все четыре времени года (как мы увидим, это почти не встречается в других эпических традициях, за исключением эвенкийской)» [Там же, с. 9]. Действительно, в бурятском эпосе, включая и исследуемое сказание, чаще говорится о смене только зимы и лета, хотя есть произведения, где описываются природные признаки всех времен года, например, в улигере «Хэедэр Мэргэн» [Кузьмина, 2005, с. 337, Бур. II.A.7+7a.12]:

<i>Налахадан намар гэжэ һанана,</i>	– Тихая погода, значит, это осень, – думает,–
<i>Сайбад гэхэдэн</i>	Замелькало белое,
<i>Убэл гэнэ,</i>	[Значит,] настала зима,
<i>Хара хирээгэй хаагалхада</i>	Чёрный ворон закаркал –
<i>Хабар гэнэ,</i>	Весна пришла,
<i>Хаан хүхын донгодходо,</i>	Царь кукушка кукует –
<i>Зун гэжэ һанажа ябажа</i>	Наступило лето,
<i>Тэрэ хатарна.</i>	Так он ехал – думая [про себя].
Хэедэр Мэргэн, с. 29	Хэедэр Мэргэн, с. 88

Как обнаружил В. М. Гацак, в тувинском эпосе распространен «топос длительности с “умозаключениями” в виде прямой речи (как в ряде бурятских и одной из эвенкийских версий)» [Гацак, 1989, с. 13]. В нашем примере смена времен года воспринимается героем мысленно. По видимым признакам и звукам природы богатырь на скаку улавливает перемены вокруг.

Блок битвы богатыря с противниками занимает значительную часть героических повествований, что объясняется характером эпоса, и эти описания сплошь построены на устойчивых стереотипах. Анализ всего этого блока невозможен в статье из-за громадного объема «общих мест». Здесь ограничимся ссылкой на Указатель типических мест [Кузьмина, 2005, с. 9], где под индексом II.A.14a, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, 15-22 даны типичные примеры из сказаний, куда относятся и «Осодор Мэргэн», ярко иллюстрирующие боевые подвиги богатырей. Надо сказать, что эпос, органично вбирая в себя поэтические достижения других фольклорных жанров (пословицы, поговорки, народные афоризмы, сказка), в части, где идет повествование о трудных задачах, задаваемых богатырю при его сватовстве, и о поисках души противника в целях усиления увлекательности описываемых действий, использует эпизоды, характерные для бурятской сказки. Так, в сюжетной линии о старшем сыне Осодор Мэргэна, вступившем в битву с девяностопятиголовым мангадхаем-чудовищем, подробно повествуется, с каким трудом удается ему победить врага. Когда он срезает все головы чудовища, то из средней головы вылетает его душа в виде девяти перепёлок. Богатырь оборачивается девятью ястребами и сбивает перепёлок, когда остается одна птичка, она превращается в манную крупу и просыпается крупинками на землю. Тогда Хухэрдэй Мэргэн оборачивается в девять кур и начинает склевывать крупу. Оставшаяся одна крупинка превращается в девять рыбешек, тогда богатырь, обернувшись щукой, заглатывает всех этих рыб. Такие превращения характерны для сказочных сюжетов, которые усиливают занимательность сказки [Там же, с. 469, Бур. II.A.14л.1].

После достижения всех целей устраивается победный пир, описание которого тоже типизировано. Неизменно все богатыри стремятся возвратиться в родную землю. Мотивировка такого желания у всех стандартна:

«Хари хүн харида багтаха үгы, Хандагайн сэмэгэн тогоондо багтаха-гүй юм! – Гарахан түрэнэн дайдада Ошохо минш!» Осоодор Мэргэн, стк. 3714–3717	«Чужой человек на чужбине не приживается, Берцовая кость лося в котле не помещается. К своей земле, где родился, появился, Поеду я!» Осоодор Мэргэн, стк. 3714–3717
---	--

В этом послыле заложен культурный код, истари воспитывающий в человеке патриотизм и любовь к родной земле, к своим истокам. Героический эпос всех сибирских народов устойчив в этом и неизменен в своей патриотической направленности.

Таким образом, анализируемое сказание «Осоодор Мэргэн», записанное в 1941 г., еще отражает период активного бытования героического эпоса, сохраняя в себе все художественные достоинства западно-бурятской эпической традиции. Хорошо развитая сюжетная канва, поэтический язык, композиционные элементы, к которым относятся песенные вставки *сэг даралга* («заполнение пауз») и *угталгын дуун* («призывные» или «встречные» песни), свидетельствуют о том, что мы располагаем традиционным произведением. Богатая художественная структура сказания говорит о том, что оно было популярным произведением у слушателей и потому активным в репертуаре сказителя Николая Гунхановича Гунханова.

Список литературы

Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/k73b1.html>; <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/k73a4.html> (дата обращения 18.01.2023).

Ванчикова Ц. П. Фольклорист С. П. Балдаев и сказитель П. М. Тушемилов: жизнь и творчество // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 2. С. 105–110.

Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.

Дугаров Д. С. Напевы бурятских улигеров // Абай Гэсэр / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. к нему А. И. Уланова. Улан-Удэ: Бур. комплекс. науч.-исслед. ин-т Сиб. отд-ния Акад. наук СССР, 1960. С. 505–524.

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов); Эксп. изд. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.

Лорд А. Б. Сказитель / [Подгот. изд., пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона]. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 552 с. + 1 CD-ROM.

Хэмлет Т. Ю. Описание сказочного сюжета 707 Чудесные дети в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ: часть 1 // Научный диалог. 2013а. Вып. 5 (17). С. 198–219.

Хэмлет Т. Ю. Описание сказочного сюжета 707 Чудесные дети в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ: часть 2 // Научный диалог. 2013б. Вып. 10 (22). С. 61–75.

Хэмлет Т. Ю. Описание сказочного сюжета 707 Чудесные дети в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ: часть 3 // Научный диалог. 2014. Вып. 4 (28). С. 100–114.

Шерхунаев Р. А. Николай Гунханов // Бурятские народные сказители. Иркутск: Ирк. обл. тип. № 1, 1998. Ч. 3. С. 10–39.

Список источников

Абай Гэсэр / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. к нему А. И. Уланова. Улан-Удэ: Бур. комплекс. науч.-исслед. ин-т Сиб. отд-ния Акад. наук СССР, 1960. 314 с.

Осоодор Мэргэн. Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Фонд 36, опись 1, дело 232. 193 листа.

Хэдэр Мэргэн / Подгот. текста, пер. и примеч. М. Н. Намжиловой // Улигеры хори-бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. С. 23–80.

References

Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog* [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs by areal. Analytical catalog]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/k73b1.html>; <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/k73a4.html> (accessed 18.01.2023).

Dugarov D. S. Napevy buryatskikh uligerov [Tunes of Buryat uligers]. In: *Abay Geser*. A. I. Ulanov (Intr., text prep., transl. and comment.). Ulan-Ude, Bur. kompleks. nach.-issled. in-t Sib. otd-niya Akad. nauk SSSR, 1960, pp. 505–524.

Gatsak V. M. *Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni. Istoricheskoe issledovanie poetiki* [Oral epic tradition in time. Historical study of poetics]. Moscow, Nauka, 1989, 256 p.

Khemlet T. Yu. Opisanie skazochnogo syuzheta 707 Chudesnyye deti v mezhdunarodnykh, natsional'nykh i regional'nykh ukazatelyakh skazochnykh syuzhetov: sravnitel'nyy analiz: chast' 1 [Description of fairy tale story 707 Wonderful children in international, national and regional indexes of fairy tale stories: a comparative analysis: part 1]. *Scientific Dialogue*. 2013a, iss. 5 (17), pp. 198–219.

Khemlet T. Yu. Opisanie skazochnogo syuzheta 707 Chudesnyye deti v mezhdunarodnykh, natsional'nykh i regional'nykh ukazatelyakh skazochnykh syuzhetov: sravnitel'nyy analiz: chast' 2 [Description of fairy tale story 707 Wonderful children in international, national and regional indexes of fairy tale stories: a comparative analysis: part 2]. *Scientific Dialogue*. 2013b, iss. 10 (22), pp. 61–75.

Khemlet T. Yu. Opisanie skazochnogo syuzheta 707 Chudesnyye deti v mezhdunarodnykh, natsional'nykh i regional'nykh ukazatelyakh skazochnykh syuzhetov: sravnitel'nyy analiz: chast' 3 [Description of fairy tale story 707 Wonderful children in international, national and regional indexes of fairy tale stories: a comparative analysis: part 3]. *Scientific Dialogue*. 2014, iss. 4 (28), pp. 100–114.

Kuzmina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov)* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altai, Buryats, Tuvinians, Khakasses, Shorians, Yakuts)]. Exp. ed. Institute of Philology SB RAS. Novosibirsk, SB RAS, 2005, 1383 p.

Lord A. B. *Skazitel'* [The singer of tales]. Yu. A. Kleynner, G. A. Levinton (Prep., transl. from English, comm.). 2nd ed., rev. and enl. St. Petersburg, European Univ. in St. Petersburg Publ., 2018, 552 p.

Sherkhunaev R. A. Nikolay Gunkhanov. In: *Buryatskie narodnye skaziteli* [Buryat folk storytellers]. Irkutsk, Irk. obl. tip. no. 1, 1998, pt. 3, pp. 10–39.

Vanchikova Ts. P. Fol'klorist S. P. Baldaev i skazitel' P. M. Tushemilov: zhizn' i tvorchestvo [Folklorist S. P. Baldaev and storyteller P. M. Tushemilov: life and creativity]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2020, no. 2, pp. 105–110.

List of sources

Abay Geser. A. I. Ulanov (Intr., text prep., transl. and comment.). Ulan-Ude, Bur. complex. Sci.-research institute of the Siberian branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1960, 314 p.

Kheeder Mergen. M. N. Namzhilova (Text preparation, translations and notes). In: *Uligery khori-buryat* [Uligers of Khori-Buryats]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1988, pp. 23–80.

Osoodor Mergen. Center of Oriental Manuscripts and Woodcuts of the IMBT SB RAS. Fund 36, invent. 1, case 232, 193 p.

Информация об авторе

Евгения Николаевна Кузьмина, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Evgeniya N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 13.08.2023;
одобрена после рецензирования 17.08.2023; принята к публикации 17.08.2023
The article was submitted on 13.08.2023;
approved after reviewing on 17.08.2023; accepted for publication on 17.08.2023*